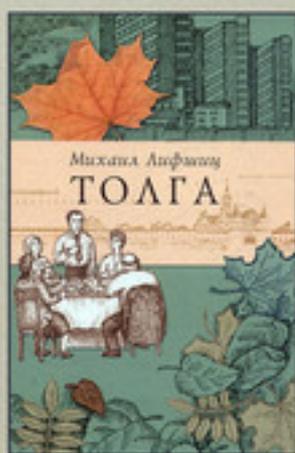

Михаил Лифшиц

**Несколько недель из
жизни одинокого человека
Вадима Быкова**

*Часть сборника
Толга (сборник)*

Михаил Лифшиц

**Несколько недель из жизни
одинокого человека Вадима Быкова**

«Автор»

Лифшиц М.

Несколько недель из жизни одинокого человека Вадима Быкова /
М. Лифшиц — «Автор»,

ISBN 978-5-457-11916-1

В небольших по объему, ограниченных по времени и месту действия рассказах Михаила Лифшица «прячутся» простая, но глубокая житейская мудрость, характеры, в которых каждый узнает знакомые черты. Высокий эмоциональный накал сопровождают точные описания житейских обстоятельств и будничных подробностей.

ISBN 978-5-457-11916-1

© Лифшиц М.
© Автор

Михаил Лифшиц

Несколько недель из жизни одинокого человека Вадима Быкова

Придя домой из больницы, Вадим сначала отправил тетку Шуру спать, а потом отключил телефон чтоб не звонил никто – самому хотелось обо всем подумать, без посторонних помех.

Мать умерла, а была бы жива, если бы не эти сволочи. Не ухаживала за матерью как следует бывшая его жена Марина. Заходила, видишь ли, чайку попить, поболтать, а надо было не развлекать, а полы вымыть, пыль протереть, еду приготовить, за лекарством сходить.

Главное, никому не объяснишь, никто не понимает...

Это из середины рассказа, дальше по порядку, как все запомнилось Вадиму и другим участникам событий.

1

Вадим сразу сказал своему старому другу Лёке, что он думает о Марине, о том, как плохо она заботилась о его матери. Из-за этого инфаркт и случился. Они еще только ехали из Шереметьева в больницу. Лёка гнал, как сумасшедший, боялся, что не застанут мать живой. А тут уставился на Вадима, от дороги отвернулся, глазенки свои еврейские вытаращил и лобик сморщил, как шолом-алейхемовский персонаж.

– Ты что, Бык? – говорит. – С какой стати Матрёна будет упираться?

Бык, Лёка, Матрёна – все школьные клички, Лёка ими пользуется до сих пор, хотя Вадим давно уже зовет его Леонидом, или дядей Лёней, под пятьдесят все-таки.

– Как, с какой стати? Не чужой же человек, бабушка Валя, – удивился Вадим и стал дальше жаловаться, уже на дочь. – Катерина, тоже, бывала у бабушки один раз в два месяца. Женишка ей приводила показывать. Знакомить. Надо было не правила хорошего тона соблюдать, а по-мо-гать. Не слушать бабушкины отказы и уверения, что бабушка сама со всем справляется, и ничего ей не нужно.

Лёка замолчал, не стал спорить, потому что не его дело, но, чувствуется, остался при своем мнении. Вадим тоже замолчал, всё равно ничего не объяснишь, давно он уже привык к людскому непониманию. Стал смотреть на Ленинградский проспект. Ничего Москва, красивая, нарядная. Снежок идет, машин дорогих много.

– В Нью-Йорке снег давно бы убрали.

– Да нет, – опять не согласился Лёка. – Лужков сделает. Просто снегопад.

В больнице их встретила Марина. Сразу сказала, что мать жива, но из палаты ее забрали в реанимационное отделение. Потом Марина вызвала врача из «реанимации». Врач вышел какой-то занюханный, в рваных сандалетах и кривых пластмассовых очках. Стал говорить, глядя под ноги, что у матери пятый инфаркт, возможно, вчера был и шестой. Вообще, непонятно, почему она жива при таком заболевании в 87 лет. Медики восхищены, что она сохраняет светлую голову и здраво обо всем судит, в том числе и о своем состоянии.

Вадим попросил врача пустить его к матери. Тот подумал и сказал, что пустит, но нужен халат, и скрылся в отделении.

Тут же заговорила Марина.

– Бабушке вчера стало хуже, мне позвонили соседки по палате, я сразу приехала, и ее при мне в «реанимацию» забрали...

Такая хлопотушечка, такая заботливая. У, стерва, слов не хватает. Вадим прервал это бессмысленное словоизвержение.

– Ты сиделку наняла, ты врачу заплатила? – спросил он Марину.

– Да нет... Как-то пока без этого обходились...

– Молодцы, – сказал Вадим и отвернулся.

У Маринки от обиды нижняя губа изогнулась и задрожала. А тут Лёка рядом стоит, по жирной спинке ее гладит, утешает. Лезет, как обычно, не в свое дело. Марина думала, небось, что Вадим тут в благодарностях рассыплется – спасибо, мол, что за мамой моей ухаживали, совсем не бросили. Напрасно она благодарности ждала.

Появился врач, халата не нашел, стащил с себя и отдал Вадиму. Так и пошли вдвоем в святая святых, в «реанимацию», к матери, Вадим в халате и врач без халата.

Мать лежала бледная, худющая. Сыну обрадовалась, чуть улыбнулась и шевельнула пальцами левой руки. Рука лежала поверх одеяла, и в вену была введена иголка, а от нее трубка к перевернутой бутылке на штативе – капельница. Стала говорить тихонечко, но ясно, отчетливо.

– Как долетел, Ваденька? Я знала, что ты не сможешь не приехать, хотя ведь это очень дорого. Я беспокоюсь за Клинтона из-за истории с импичментом. Ведь если его скинут, то к власти придут республиканцы, а они не так лояльны к новым эмигрантам, это может отразиться на тебе.

Табуретки рядом не было, Вадим стал на колени у материной кровати и уткнулся лбом в правую закрытую одеялом руку. Долетел и успел, слава Богу. В голове у него шумело, время перепуталось, по нью-йоркски сейчас еще ночь глубокая. Дышалось тяжело, воздух как будто дымный, в легкие не вдыхался и назад не выдыхался. Может у них тут пыльно? Его астма быстро на это откликнется. Хотя, вроде бы, не должно быть – «реанимация» ведь.

– Не беспокойся, мама, ни о чем. У меня никаких проблем. No problem. Я здесь сейчас все налажу. Вылезем еще.

– Ваденька, ты об этом не думай. Я столько в жизни видела, сколько мало кто видел. Ты ведь знаешь. Я устала жить. Тебя дождалась, сынок, и хорошо. У меня только голова и работает. От сердца ничего не осталось, желудок отказался служить, что ни съем, все обратно выходит. Так и пора ведь. Не говори больше об этом. Тебя кто привез? Лёня?

– Лёня.

– Как у него дела? Он ведь в страховой компании работает. Эти конторы полопались в кризис, а у него что?

– Да, вроде, ничего. Я особо не расспрашивал.

– Как там Митька с Олей, как с языком?

– Все хорошо. Митька болтает, как местный.

– Да, он способный. Ты знаешь, мне Катин жених понравился. Такой хороший мальчик, но моложе Кати. У них будет сын, я попросила назвать его Николкой.

– Ты не устала, мама?

– Устала...

Мать замолчала и закрыла глаза, а сын замер около нее, стоя на коленях...

2

Марина и Лёня ждали Вадима в коридоре и разговаривали.

– Сколько ж мы с тобой не виделись? Лет пять? Или больше? – спросил Леонид.

– Да, наверное...

– Молодец, хорошо выглядишь.

– Спасибо.

– Еще молодец, что за бабой Валею ухаживаешь.

Марина заморгала глазами.

– А он, видишь, что говорит. Приехал, проверяющий. Да если б не я, баба Валя давно бы померла. Я еще два месяца назад почувствовала, что дело не ладно. Она все – не надо, не надо, а уже надо стало. Катька, да я, да муж мой Гена. А, ну да, вы ж знакомы. Привозили, увозили, приносили, кормили... Сиделки, фиговки, а на какие шиши? Он матери за два года четыреста долларов передал.

– Ладно тебе, он с дороги...

– Нет, не говори. В разлуке забывается, а сейчас смотрю я на него и думаю, как я с ним когда-то десять лет прожила?

Марина плохо считала. Расписаны они с Вадимом были десять лет, а прожили семьей, наверное, четыре года или меньше. Вадиму быстро надоела семейная жизнь. Самые простые события вызывали у него раздражение, а их участники – ненависть. Особенно донимали ежедневные заботы, мелкие обязанности, которых, сколько ни крутись, только больше становится. Принеся домой картошку, Вадим потом две недели вел внутренний монолог о том, что вот он, ученый, математик, должен тратить свои силы на такую дрянь, что его не берегут, не ценят, используют. К концу второй недели обида утихала, но и картошка кончалась, и нужно было снова идти в магазин.

Потом Вадим объявил, что не в состоянии так жить, потому что, помимо непосильной домашней работы, ему досаждают пыль. От пыли он задыхается и не может спать по ночам.

Особой чистюлей Марина и вправду не была. Могла засучить рукава и с шутками и прибаутками сделать генеральную уборку. Но ежедневно гоняться с тряпкой за каждой пылинкой было не по ней.

Установился странный распорядок. Вадим после работы почти каждый день приезжал домой, занимался с Катей, а в десятом часу поднимался и отправлялся к маме. Его уходы были ежедневной трагедией для дочери. Годом к восьми она перестала слушать житейские объяснения мамы, перестала верить своим придуманным сказочным причинам папиных уходов. Она страдала.

Однажды Катя загородила собой входную дверь и сказала отцу: «Не пуцуй!». Эпизод подействовал на папу, царапнул по душе, поколебал образ семейного страдальца, с которым Вадим все больше сживался. Даже другу рассказал про этот случай.

– Ну, а ты что? – спросил сердобольный Лёка.

– Что – что? Отодвинул ребенка и уехал к матери на Тишинку. Что ж я, задыхаться должен? – раздраженно ответил Вадим и подумал: «Рассказал дураку, а он сразу лезет с вопросами».

После Катиного демарша Вадим стал реже навещать жену и дочь, потом совсем перестал к ним ездить.

На алименты Марина не подавала. Договорились, что Вадим будет четыре раза в год – на Новый год, на день рождения Кати, перед летом и к первому сентября – отдавать Марине свой месячный заработок, сколько он сам насчитает. То ж на то ж и выходит. Договоренности этой Вадим придерживался десять лет, переплачивая, по его мнению, и сильно недодавая, по мнению Марины. Потом платить перестал. На вопрос Леонида: «Ты Катьке-то помогаешь?» ответил без обиняков, чтобы больше не приставал: «У нас закон велит платить алименты до восемнадцати лет, а я законы соблюдаю!». К тому же, и у Марины, и у Вадима были уже новые супруги и вторые дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.